

ФРАНЦУЗ-СЛАВЯНОФИЛ У ПАМЯТНИКА ПУШКИНА В МОСКВЕ

Страничка из истории франко-русских культурных связей

Публикация Н. П. Генераловой

Известный французский славист Луи Леже не был в числе близких знакомых И. С. Тургенева, однако его имя оказалось на виду, когда в 1880 году Тургенев обратился к ряду деятелей зарубежной культуры с предложением принять участие в открытии памятника Пушкину в Москве. Не стоит говорить, до какой степени писатель был заинтересован в наиболее широком представительстве со стороны западных писателей, критиков, издателей. Он, конечно, был уверен в том, что многие из них согласятся приехать в Россию, ведь они были его друзьями. Но приехал один Луи Леже, человек еще молодой и полный энтузиазма. И он был вознагражден за свои усилия, не только знаками отличия и хорошим приемом, но и благодарностью одного из наиболее активных участников торжеств — И. С. Тургенева.

Публикуемая заметка была напечатана в не известном нам пока органе французской русскоязычной прессы. Несколько пожелтевших газетных листов аккуратно наклеены на тетрадные листы в клеточку. Они сохранились среди бумаг Л. Н. Назаровой, которая принимала самое активное участие в собирании материалов для нашего сборника и даже специально для этого перебирала свой архив. Именно такие вырезки присылала ей Т. А. Осоргина (урожд. Бакунина) — жена известного писателя русского зарубежья и одновременно потомок М. А. Бакунина, друга юности Тургенева. К памяти своего предка Т. А. Осоргина относилась с большим пиететом и очень обижалась, по словам Л. Н. Назаровой, если кто-то критиковал его идеи. Одновременно она работала в Национальной библиотеке Парижа и была одним из ведущих специалистов в области библиографии. Именно Осоргина-Бакунина регулярно присылала Л. Н. Назаровой вырезки из французской русскоязычной прессы, касающиеся И. С. Тургенева.

Публикуемая заметка выдает в анонимном ее авторе знатока вопроса. Он, без сомнения, был знаком с самим Луи Леже и с его многообразной деятельностью на поприще славистики. Возможно, он был знаком и с его бумагами, поскольку в статье приводятся некоторые документы, которые могли оказаться только в архиве самого Леже. Для нас воспроизводимая заметка интересна во многих отношениях. Во-первых, здесь впервые приводится факсимиле письма Тургенева к Леже из Чешского архива в Праге. Эта публикация оказалась неучтенной в нашем академическом издании Тургенева, хотя воспроизводилась по тому же автографу. Кроме то-

Луи Леже (1843—1923)

го, в тургеневедении не был зафиксирован факт вторичного возложения венков к памятнику Пушкина, организованного Леже. Помимо этого, в заметке содержится немало примет времени, которые будут небезынтересны современному читателю.

Не так давно почивший знаменитый французский славист Луи Леже хорошо знал и любил Россию. Он не только был знатоком русского языка и литературы, он неоднократно бывал в России, хорошо знал и ценил ее обычаи, создал себе многочисленные и крепкие русские связи в научных и литературных русских кругах. Любопытно, что для русских своих друзей он «Павел Павлович». Его очень раздосадовало, когда его в России превратили по имени его и его отца в «Людвига Генриховича». Это звучало слишком по-немецки! Знаменитый языковед Срезневский дознался, что одним из его имен значилось имя Павел и что это же имя было присвоено его отцу. Недолго думая, он перекрестил Леже в «Павла Павловича», и так за ним и осталось это имя. В своих мемуарах Леже просил не удивляться тех людей, которые, разбирая его архив, найдут там многочисленные русские письма, начинающиеся приветствием: «дорогой Павел Павлович»...

Леже два раза довелось чествовать память Пушкина в России: один раз в качестве официального представителя Французской республики, другой раз в порядке самочинно им организованной манифестации.

Первое его участие в русском чествовании Пушкина знаменательно еще и тем, что вызвано оно было личным вмешательством И. С. Тургенева.

В мае 1880 года Леже получил следующее письмо от Тургенева:¹

Москва, 29 апреля (11 мая) 1880 г.

Дорогой г. Лежэ,

Мне поручено Обществом любителей русской словесности пригласить Вас на торжество открытия памятника Пушкина, которое состоится 26 мая (7 июня) в Москве. Ваши известные симпатии к России позволяют нам надеяться, что Вы не отступите перед утомлением этого путешествия — и Вы не можете сомневаться в том горячем приеме, которым Вас встретит вся русская литература, объединенная в этот день вокруг этой великой личности, в том городе, где родился наш поэт. Будьте так любезны ответить без промедления по адресу председателя общества, г. Сергея Юрьева.

Примите уверения в моих лучших чувствах

Иван Тургенев.

Р. S. Накануне 26-го в университете будет подготовительное заседание, на котором Вы, быть может, захотите присутствовать.

Адрес г. Юрьева: на углу Садовой и Мещанской, дом Пятницкой.

¹ Автограф этого письма И. С. Тургенева находится в библиотеке Чешского национального музея в Праге. Фотографическое воспроизведение этого документа любезно доставлено нам проф. В. А. Францевым. Подлинник по-французски.

Отношения между Францией и Россией были в этот момент как раз очень натянуты, ввиду отказа французского правительства в выдаче России «нигилиста» Гартмана. Это обстоятельство делало поездку Леже в Россию политически значительной. Что же касается самого приглашения, то для Леже как для поклонника Пушкина оно имело особую привлекательность. Леже мгновенно получил необходимое одобрение французского министерства народного просвещения и выехал в Россию. Надо было торопиться: от момента приглашения до чествования было всего пять-шесть дней. Прибыв за границу, Леже, однако, узнал, что спешка его была ни к чему. Смерть супруги Александра II, императрицы Марии Александровны, вызвала отсрочку чествования на неопределенное время. Особенно жалеть об этом Леже, однако, не приходилось. В Москве ему отвели помещение, как почетному гостю, в Лоскутной гостинице. Он оказался в ближайшем соседстве с Тургеневым и в самом центре литературного мира. По вечерам у Тургенева собирались для обсуждения предстоящих торжеств...

Наконец, к концу июня пришло разрешение открыть памятник. состоялся прием у принца Ольденбургского, на котором Леже сказал по-французски маленькую приветственную речь, а затем и торжественное собрание Общества любителей русской словесности, где Леже произнес свое слово уже по-русски. Вот его текст:

«Посылая делегата на настоящее литературное торжество, министерство народного просвещения Французской республики хотело этим выразить и свою симпатию умственному движению России, и свое удивление вашему великому поэту. Имя Пушкина так же хорошо известно во Франции, как имена Байрона, Гёте, Манцони. Мы смотрим на Пушкина как на величайшего представителя русского народного гения и с гордостью можем припомнить имя одного из наших знаменитых писателей, Мериме, который наиболее содействовал распространению славы Пушкина в нашем отечестве. Мы чувствуем себя счастливыми, что настоящее торжество, к сожалению омраченное недавней вашей утратой,² нашедшей живой отголосок и во Франции, дает нам новый случай выразить то горячее неизменное сочувствие, с которым мы следим за судьбами России. В настоящее время во Франции существует целая группа людей, которая изучает произведения русских писателей с таким же живым интересом, с каким прежде изучались памятники литератур классических. Мм. гг.! От имени этой группы я обращаю к вам мое слово и смею вас уверить, что честь представлять французский народ в эту торжественную минуту останется одним из лучших воспоминаний моей жизни. Не нам, иностранцам, говорить в настоящем собрании о Пушкине: мы здесь затем, чтобы слушать вас, поучаться у вас, благодарить вас за радушный, искренно братский прием, который мы находим в России».

Одно сомнение было у Леже: можно ли в России, стране самодержавия, афишировать то обстоятельство, что он является представителем французской «республики». Некоторые излишне пугливые друзья Ле-

же предостерегали его от этого. Леже, конечно, их не послушался и, конечно, никаких трудностей его приветственное слово не вызвало. Речь его была покрыта громом аплодисментов и криками «спасибо». И было за что поблагодарить его: Леже был единственным иностранцем, откликнувшимся на русские приглашения! На следующий день состоялось открытие памятника при необыкновенном энтузиазме публики. Вечером был банкет, на котором опять выступал Леже. Любопытно, что одна из речей, произнесенная каким-то большим русским баринном, отличалась таким акцентом, что некоторые из публики именно ее приняли за выступление представителя Франции! Сам Леже, по-видимому, в то время уже очень хорошо владел русской речью.

Желая укрепить первые ростки русско-французских связей, Леже запросил Париж о том, не следовало ли бы наградить некоторых представителей литературного и артистического мира академическими лаврами. Немедленно он получил ответ, уполномочивавший его наградить трех лиц по его выбору «*palmes d'officier d'instruction publique*». Кого было выбрать? Леже остановился на профессоре Тихонравове как представителе науки, на Юрьеве, редакторе «Русской мысли», как представителе печати и на Николае Рубинштейне как представителе артистического мира. Тургенев вполне одобрил этот выбор. Но возникла одна трудность. Как перевести замысловатое французское наименование? По совету Тургенева, было решено применить такую формулу: «Министр народного просвещения Французской Республики удостоил награждения знаками золотых лавров господина такого-то».

Уже по приезде во Францию через того же Тургенева Леже получил сообщение о награждении его орденом св. Анны. Русское правительство расквиталось с французским.

* * *

Второй эпизод, связанный с именем Луи Леже и относящийся опять-таки к чествованию Пушкина, является в некоторых отношениях еще более интересным. В нем показательно то, что здесь уже не было ничего официального. Взаимные симпатии России и Франции проявились тут с необыкновенной яркостью.

В августе 1897 года Луи Оливье, редактор журнала «*La Revue Générale des Sciences*», организовал экспедицию в прибалтийские страны и в Россию на специальном пароходе с образовательной целью. Эта экспедиция совпадала с посещением России президентом Феликсом Фором, с его ответным визитом государю, и члены ее должны были участвовать в петербургских празднествах, посвященных этому событию. Сам Леже был приглашен Оливье для того, чтобы прочесть несколько лекций на борту парохода.

² Смерть императрицы Марии Александровны.

Программа путешествия полностью не состоялась, ввиду запоздания в прибытии парохода в Петербург, но, по счастливой мысли Леже, группа французских экскурсантов, так сказать, отыгралась в Москве, которая, кстати сказать, оказалась вне торжеств, связанных с посещением Феликса Фора России и где могла встретить особое сочувствие всякая манифестация русско-французских симпатий.

Леже предложил своим коллегам торжественно возложить к подножию памятника Пушкина венок со следующей надписью «Les Français à Pouchkine,³ 1897».

Мысль Леже вызвала общее согласие. Он тотчас отправился к обер-полицмейстеру для совершения необходимых формальностей. Там его встретили не только с готовностью (*empressement*), но и с благодарностью (*reconnaissance*). Леже получил от канцелярии следующий официальный документ, помеченный датой: «Августа, 18 дня» за № 31332.

«Канцелярия обер-полицмейстера имеет честь известить г-на профессора Леже, что, согласно его ходатайству, его Императорское Высочество Московский генерал-губернатор изволил разрешить ему, г. Леже, совместно с находящимися в Москве французами-туристами возложить завтра, 19 августа, в 10 часов утра, к подножию памятника поэта Пушкина венок и затем, в 3 часа дня, перевезти (в экипаже) этот венок в помещение Исторического музея.

Помощник управляющего канцелярией К. Рейтер».

На следующий день, в 10 ч. утра группа русско-французских экскурсантов, во главе с Леже, явилась к памятнику. Леже произнес речь на русском и французском языках и возложил венок на ступени памятника. Отряд пешей и конной полиции оцепил группу, чтобы охранить ее от окружавшей толпы. Леже обратился с просьбой к полицейскому офицеру допустить публику непосредственно к памятнику и, когда это было сделано, обратился к толпе с речью, объяснявшей смысл их визита в Россию и характер происходящей манифестации. Толпу обуял неистовый восторг. «*Ce fût un délire*», — пишет Леже в своих воспоминаниях. С криками «ура», «спасибо», «да здравствует Франция» русская толпа окружила французов. Пошли объятия, рукопожатия, поцелуи.

До 3 часов пополудни венок продолжал лежать у подножия памятника. В 3 часа французская делегация явилась вновь для перевезения его в Исторический музей. Когда она прибыла туда, ее ждала неожиданная торжественная встреча. На улице стояли войска с музыкой и приветствовали французов исполнением Марсельезы. Администрация музея в полном составе, в парадной форме встречала гостей. Начались горячие речи на русском и французском языках, и затем венок был помещен в музей на вечное хранение.

Так в те далекие дни утверждалась и крепла франко-русская дружба.

Х. У. З.

³ Пушкину от французов (*франц.*).